

2556
5

КРОКОДИЛ

ЕДИНСТВЕННАЯ РЕКЛАМА, КОТОРАЯ НАМ ОЧЕНЬ НУЖНА.

Рис. Ив. Малютина.

Вот объявление, которое „Крокодил“ помещает на первой странице совершенно бесплатно и с величайшим удовольствием.

ВЕСНА В ГЕРМАНИИ.

Рис. М. Храпковского.

Количество безработных в Германии достигло 3 миллионов человек.

РАБОТНИЦА: — Как хорошо, что выросла травка. Теперь у нас будет свежий суп, как у других.

ИДЕЙНО ВОЗГЛАВЛЯЮЩИЙ.

Есть у меня знакомый, Климентий Митрофанович. Фамилии его называть не буду, — еще обидится человек! Так вот этого Климентия Митрофановича я знаю давно, знаю еще с тех времен, когда еще совдураков не было, но я сразу по его противогазу, какому-то таинственному, оптическому прибору на боку и вообще советизированному костюму недоброй памяти памяти земгусара понял, что передо мной вещь!

Обо всех подвигах Климентия Митрофановича я рассказывать не буду, но последний (если, конечно, это можно назвать подвигом) должен опубликовать.

Встречаю как-то в Москве этого самого Климентия Митрофановича, и он мне сразу сообщает:

— Поздравьте, — назначен заведующим отделом... — и он мне назвал центральный наркомат.

Хотя я привык уже слышать от него всякие... гм! — словом, привык уже к его странностям, но здесь не выдержал:

— Голубчик, да ведь вы же в этом деле ничего не понимаете? Ни в зуб ногой, как говорится!

— Шутник вы, плутишка! Не только ногой и не только ни в зуб, но и ни другими оконечностями ни в какие части тела!

— Так как же вы???

— Чудак, шалунишка! А служащие-то у меня есть или нет? Есть. Они-то понимают свое дело? Понимают. Так зачем же мне понимать, когда я, как заведующий, должен только идейно возглавлять? Понимаете, душончик???

Он приветливо крутнул портфелем и исчез.

Несколько недель спустя (заметьте, товарищи, — не дней, а недель!) я снова встретил Климентия Митрофановича, но уже в частном доме. Мне

он обрадовался по привычке, оттянул в уголок комнаты и торжествующе спросил:

— Ну?

— Это у вас надо спрашивать.

— Поймите же, что раз служащие знают!... — в знак убедительности Митрофанович прижал концы пальцев к груди и вытянул тонкие губы дудочкой: — раз они знают, то вы смело можете идейно возглавлять дело, в котором вы — ни бум-бум!

— Но как же так, все-таки?

— Да ведь я же — хитрый! — Митрофанович растянул губы до ушей и тянул слово «хитрый» минуты полторы. — Мне, допустим, присылают бумагу и просят ответить. Я на этой бумаге резолюцию: «Тов. Антонову. Ответить». Ясно? Он отвечает, а я подписываю!

— А вдруг Антонов спросит, — что же, собственно, ответить?

— Чудак-человек! Начальник я или жук? Если только такой вопрос, — нахмуриваю брови и говорю сухо: «Странно, товарищ, что вы не понимаете простых вещей!» И все. И товарищ отвечает, а я подписываю!

— Так... А как же ваше-то начальство? Вдруг оно от вас потребует каких-нибудь сведений?

— Во-первых, начальство должно знать о моем деле еще меньше, чем я! А, во-вторых, служащие, те же служащие! Если нужно что-нибудь такое, о чем придется и устно поговорить, подхожу я к товарищу Антонову и рассказываю, чего хочет начальство. Потом прибавляю: «Неужели мы с вами, товарищ Антонов, этого не сделаем?». Конечно, ему лестно, что я говорю — «мы с вами», так сказать, на один уровень с ним нисхожу, ну и делает! Прекрасно справляюсь.

Это свидание наше происходило крутой зимой. Под влиянием ли морозов или же от беседы и откровений Митрофановича, но я почувствовал себя психовато и, к счастью, до весны его не выдал. Весной он показался мне менее жизнерадостным:

— Что с вами? Как ваши служащие?

— Неприятные они какие-то! О каком-то дураке разговаривают... И вообще. Антонова хочу уволить! Как же: надо годовой отчет делать, а он говорит, что все это раньше надо было обдумать, а теперь отдел развалился, работы не было, и мы опоздаем. Я ему уж говорил — «неужели мы с вами не сделаем», нисходил, так сказать, никакая сила. Очевидно, контр-революция... Да и наверху тоже разложение. Захожу к начальству. Слышу, с начальником управления разговаривает и тоже про дурака: «Когда же, — говорит, — мы этого дурака уберем?». А я, признаться, не люблю про дураков разговора...

— И что же дальше?

— Да вот думаю проситься вграничную командировку по закупкам каким-нибудь, мануфактуру там или другие сельско-хозяйственные орудия...

— Милый, да вы же ни...

... В зуб ногой? Конечно, конечно!!..

Тут Климентий Митрофанович уперся для убедительности пальцами в грудь, вытянул дудочкой губы и прибавил:

— Служащие же там есть при закупках? Они-то понимают во всем этом? А я бы — идейно возглавлял...

С тех пор пока я его не видел...

Вл. Павлов.

В КОРЕНЬ И ПОД.

Беспересадочное сообщение «Ленинград—Ташкент» по существу своему пересадочное.

Оболтать агиткампанию это еще полдела; главное же — представить отчет.

Не боги горшки обжигают, но и не шарлатаны.

Как отличить способного работника, если он без протекции?

Чем выше человек поднимается по служебной лестнице, тем труднее разглядеть его недостатки.

Самый дешевый, распространенный и незапрещенный вид взятки — лесть.

Получить негодного зава легко, а избавиться от него трудно.

Должность личной секретарши требует наличия соответствующей личности.

Дабы не оторваться от масс — садись рядом с шоффером.

Сам.

УСПЕХИ..

Успех агента по рекламе зависит от его культурности, понимания существующего положения вещей, психологического подхода к руководителю того или иного учреждения, самоуверенности, личных связей и знакомств или большей или меньшей дозы, мы бы сказали, нахальства.

Мнение одного из руководителей конторы „Девгаль“.

На третьей странице восьмифунтового справочника «Предприятие и предприимчивость» — четыре объявления: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НЕДРА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ (Госнедолгуб). Азбест, малахит, мрамор всех сортов. Имеются небольшие глыбы для памятников. Допускается рабочий кредит на глыбы не свыше 2.000 пудов.

УРАЛЬСКИЙ ПОСУДНЫЙ ТРЕСТ. Посуда.

ПЕНЗЕНСКАЯ КОННАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА доводит до сведения об открытии линии № 3: Новопроломная улица — Площадь Проклятия социал-предателям. Гор. Пенза.

ГИНДУКУШ. Мануфактура всех трестов. И. Синдиката. И вот история этих четырех объявлений:

— Могу я видеть горного инженера Мельхиседека Эрастовича Шпис?

— Это — я.

— Очень приятно... Разрешите отрекомендоваться: бывший присяжный стряпчий Бебешин. Николай Устинович Бебешин... В теперешнее время встретить на таком посту, как ваш, в полном смысле этого слова интеллигентного человека — это просто редкость... Вы знаете, я просто не поверил даже... Вы, конечно, не откажете дать ваше объявление в этот справочник... Конечно, как принято между интеллигентными людьми, — 5 процентов с суммы... «Госнедолгуб» не может быть последним... О, повторяю, я был наперед уверен...

— Я, товарищ директор, всегда знаю, что разные спецы не могут так разрешать, как настоящий ответственный работник. Взять, например, объявление Госнедолгуба: три недели с ним мучился. А пачи-му? Потому что во главе — спец. Горный инженер. Да мне-то что толку, что он — инженер, если он бумажку подписать боится?! А с вами я, товарищ, в полной уверенности. Мне даже и денег сейчас не надо! Подпишите заказик, и весь разговор... За посудным трестом не пропадет. Когда-нибудь — оплатите...

— Вася, ты мне друг или нет?

— Ну — друг...

— Вася, ты у себя в Пензе — начальство или нет?

— Ну, начальство...

— Так как же ты мне после этого не дашь объявления в справочник??!

— Так о чем же давать?

— Вася! И ты не можешь изобрести!!!

— Я извиняюсь, вы владелец этого частного магазина?

— А что такое? Я.

— Ага. А вы сами — партийный? Ага. Ну, я к вам по приказу товарища Дзержинского.

— Дзержинско-го?!

— Безусловно. Вот читайте: «...Рекомендуется всем предприятиям своевременно информировать органы печати». Прочли? Ну вот. Когда я получу ваше объявление?!

Так оно и выходит: культурность и понимание существующего положения; психологический подход к руководителю учреждения; личные связи и знакомства; самоуверенность — и большая или меньшая доза, мы бы сказали, нахальства.

В. Ардов.

Авторы нашумевшего «Заговора императрицы» А. Толстой и П. Щеголев заняты изготовлением еще целого ряда таких же доходных пьес. Гонорары, получаемые ими, огромны.

Рис. А. Радакова.

— Пусть другие там занимаются художественной литературой, — а мы открыли свое хлебное дело. Оно гораздо прибыльней!

КРАЙНОСТИ СХОДЯТСЯ.

Рис. Ю. Ганфа.

На многочисленных интернациональных состязаниях советские спортсмены неоднократно побивали буржуазных спортсменов.

Участие наших спортсменов в состязаниях очень не нравится иностранным консерваторам. Как это ни странно, и у нас раздаются голоса против такого участия.
(Из газет).

ШВЕДСКИЙ КОНСЕРВАТОР

(в один голос оба)

ЛЕВЫЙ КОММУНИСТ:

— Позор! Безобразие! На королевском стадионе—и вдруг красный флаг!

ВИАРЫ В БОК

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА.

Прислали нам письмо грузчики станции Славянской, Кубанского округа, где жалуются на Моспогруз:

«Дорогой Крокодил! Может быть, ты знаешь, когда Моспогруз нам заплатит за работу, которую мы для него исполнили еще 27-го марта 1925 года».

Знаю. Когда подадите в суд. Тогда уж не крутятся. Факт.

ПОДНАДЗОРНЫЕ НЕЧИСТОТЫ.

Шуйская газета «Серп и Молот» в № 28 пишет:

«Весной каждого года по дороге из города к реке Тезе и в других местах скопляется масса нечистот. Органам милиции нужно установить за этим надзор».

Надзор не поможет, дорогой «Серп и Молот». Посоветуйте органам милиции, чтобы они дали предписание такого рода: сего числа приказываю нечистотам по реке Тезе не скопляться».

БОРЬБА С ТАНЦАМИ.

Много спорят о том, как оживить собрания и как увеличить посещаемость собраний, но вот ячейка кожзавода № 1, в городе Осташкове, этот вопрос разрешила очень просто, вывесив такое объявление:

«Сегодня, в 6 час. вечера, состоится ячейковое собрание комсомола. Явка всем членам обязательна. После собрания концертное отделение и танцы. Лица, опоздавшие на собрание, на танцы допускаться не будут. Бюро ячейки РЛЖСМ».

Такого рода мера для поднятия посещаемости собраний навряд-ли поможет. Вот чтоб ребят от танцев отучить, это, пожалуй, подействует».

ВРЕМЯ ТЕРПИТ.

Пишут из Троинова, Волынского округа:

«Вот уж три месяца прошло, как мы подписались на «Нашу Газету» с обещанными литературно-художественными приложениями, но до сих пор ни гу-гу».

Три месяца срок не велик. Потерпите. Обещанного три года ждут, и то не дожидаясь».

УМЕР, БЕДНЯГА...

Прислал один корреспондент:

«В Омске при редакции газеты «Рабочий Путь» существует бюро рабкоров. Это бюро страдает сонной болезнью, так как с февраля 1925 года оно ни разу не созывалось. Вылечи, дорогой «Крокодил», наше бюро от сонной болезни».

С удовольствием вылечил бы. Но слишком лениво. Пациент, страдающий год с лишним такой тяжелой болезнью, считается мертвым. Хорошите его с музыкой».

МАТЕРИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ.

Сообщают:

«Председатель Маринского волостного бюро пионеров Матрюков редкое слово произносит, не сопровождая матерной руганью».

Дорогой тов. Матрюков. Бросьте ваше нежное материнское отношение к ребятам. Пионеры закалять надо».

КАК НАЗЫВАЕТСЯ?

Из города Ново-Николаевска сообщают:

«2 марта гр. Рачковский вызвал скорую помощь к ребенку, которая приехала лишь на третий день, когда уже ребенок умер. Таких случаев у нас масса. Дорогой «Крокодил», объясни, почему эта помощь называется — «скорая»».

Мы тоже не знаем. И даже не знаем, почему она называется «помощь». Сбегайте в ваш здравотдел и спросите. Может быть, он знает».

ОМОЛОЖЕНИЕ ПО-НИЖЕГОРОДСКИ.

«Нижегородская Коммуна» в отделе «Отовсюду» печатает:

«Из деревни в Ленинград прибыл для производства операции грыжи 110-тилетний крестьянин Богданов. Когда ему сделали операцию, в больницу был доставлен раздавленный молодой человек. Врачи предложили Богданову сделать ему омоложение и вшили в правую грудь половые железы молодого человека. После омоложения Богданов чувствует себя так, как если бы ему было 40 лет».

Советуем редакции «Нижегородской Коммуны» омоложить товарища, писавшего эту заметку, влив ему в голову мозги какого-нибудь раздавленного молодого человека. Обязательно сообщите, как он себя после этого будет чувствовать».

ПАРИКМАХЕРСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Вот до чего иногда доводит скука. Сообщают из Житомира:

«7-го февраля в парикмахерской ЦРК четыре парикмахера поспорили, можно ли выпить четыре бутылки пива сразу. И тут же оставив клиентов с намыленными щеками, пошли в соседнюю комнату состязаться».

Корреспондент, приславший нам эту заметку, просит: «Крокодил», намыль им шею».

Не за что этим веселым житомирским парикмахерам намыливать шею. Очень они симпатичные. Пусть забавляются».

«КАБИНЕТ МЕР И ВЕСОВ».

Технический отдел Чистяковского рудоуправления Донугля послал запрос всем зав. шахтами, в котором требовал сообщить: количество вагонеток в шахте, их высоту в метрах и длину вагонеток в тоннах».

«Крокодилу» интересно узнать дополнительно об'ем глаз главного инженера Калмановича, подписавшего эти отношения, в пудах или тоннах — безразлично».

ПОДЛОВИЛ.

По постановлению Моссовета, за поладу милостыни граждане подвергаются штрафу».

Рис. И. Малютина.

— Подайте слепенькому! Три дня не ел!

— А теперь будьте добры к поданной сумме добавить следуемый с вас штраф. А не то пойдемте — к вам в милицию».

ОКРУГ СВЯЗИ... С ВОЛОКИТОЙ.

Уже три года тянется волюшка с невыплатой компенсации и непредоставлением отпуска работникам телеграфа на аппаратах системы «Клодфер». Все комиссии постановили платить, все инстанции утвердили и подтвердили это решение, а Ленинградский Округ Связи денег не платит и отпуск не дает.

Три года... это не кот заплакал. Это денежки телеграфистов плакали, это плакало их здоровье. А округ связи смеется. Там бы кто-нибудь заплакал. Так хоть, из сочувствия.

ЮМОРИСТЫ.

Трудно нынче работать: завистников много. Каждый норовит подставить ножку. «Крокодилу» особенно приходится туго. Его успех захотел разделить Барнаульский исполком. «Так смешно и я могу писать», — сказал исполком и катнул такое постановление:

В целях борьбы с порчей телефонно-телеграфного имущества и железнодорожных приспособлений, Барнаульский Окружной Исполнительный Комитет постановляет:

1) Воспретить битье стекол вагонов проходных поездов, бросание в них камней и других предметов, битье изоляторов, порчу и расхищение шитов, запасных рельс и шпал, перетаскивание их на линию железной дороги, развинчивание болтов и крепов, соединяющих рельсы и т. п.

ПЕКАРНЯ С ДУШЕМ.

В гор. Сумах в пекарне центрального рабочего кооператива уже второй год дымит печка и притом настолько сильно, что рабочие не только не могут раздеться в этой комнате, но дым проходит в соседнее бараночное отделение и заставляет рабочих плакать. Труба от котла, где варят баранки, вместо того, чтобы выпускать пар наружу, выпускает его на потолок, и он падает дождем на головы работающих.

Администрация трубу все-таки исправить не мешает, а то вылететь еще, чего доброго, в нее можно.

БЫЛО ДЕЛО ПОД ПОЛТАВОЙ.

В № 4 полтавской газеты «Робитник» четверть газетной полосы занимает «Обязательное постановление о принципах установки печей временного пользования».

Пунет четвертый пятьдесят второго параграфа этого постановления гласит:

«Временными печами имеют право пользоваться только члены профсоюзов, красноармейцы и их семья, пенсионеры, безработные и кустари-одиночки».

Вот она где подлянно классовая политика!

ПОДБИРАЕТ БЕСПРИЗОРНУЮ МОНЕТУ.

Рабочий Ушлый из Туансе пишет: «Озорная нынче публика пошла, прямо беда. Держи ухо востро, а то вмиг надуют, без штанов пустят». И в подтверждение своих мрачных предчувствий Ушлый прилагает копию отношения Стройкама в Поворосейский сектор Госиздата:

«Нами получена от вас наложенным платежом литература на 30 рублей, хотя мы никакой литературы от вас не выписывали».

Половина посылки для нас оказалась непригодна. Самый факт навязчивой присылки книг является недопустимым.

В будущем просим таких посылок не производить».

Госиздат, очевидно, рассуждает так: «У профсоюзов дурных денег много. Самы они их не сумеют растратить. Дай-ка я помогу». И, как видите, помогает не без успеха.

ДОКОЛЕ?..

«Молодой Ленинец» пишет в № 15 о материалах—членах ПИРОМ:

«Несомненно, этим девчатам приходится туго».

Что-ж будет потом, когда у девчат впереди появятся? Тогда этим девчатам, пожалуй, совсем туго придется?..

КАРАУЛ, МИЛИЦИЯ!

У харьковского «Коммуниста» — полицейский уклон. В номере от 23 февраля с. г. читаем в отделе происшествий:

...Никто из публики (при нападении на кассира Горбанка), ни охранник, оказавшийся без оружия, бандитов не преследовали. На место происшествия немедленно прибыла полиция и агенты уголовного розыска.

И дальше:

Труп Концедалова отправлен в трупный покой.

Неважный это «Коммунист», если он до сих пор с полицией в столице Украины путается. Что же касается де «трупного покоя», то... как вам сказать? Полиция среди бела дня гуляет, а «Коммунист» и в ус не дует...

ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ,

кроме календаря изд-ва «Красная Певь».

В отрывном листке календаря этого изд-ва от 21 ноября читаем:

«Когда Мария забеременела, заплотозрили в качестве этого Иосифа».

А в количестве — кого?

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Русская пословица гласит: «Бюрократов не сеют, не жнут — они сами родятся». Народилась тьковые и в правлении Росгосстраха, о чем повествует такая история:

Росгосстрах отпустил своей Башкирской конторе 119 руб. 89 коп. на борьбу со смертностью животных. Комиссия Ветеринарного Управления хотела купить на эти деньги ветеринарных инструментов, но Росгосстрах потребовал составить межведомственную комиссию с поездкой в гор. Уфу. Расходы этой комиссии во много раз превысили бы ассигновку.

Хотел-было «Крокодил» по своей должности пошемпаться над этим, да не вышло. Где же тут смеяться, когда там же умники сидят во множестве в наших учреждениях и конца им не видать. Не смейно нам, а тошнехонько. Пусть и тебя потопнит, дорогой читатель. Может, будет легче...

Рис. А. Радакова.

ШАХМАТНАЯ ГОРЯЧКА.

НИЩИЙ: — Подайте, граждане, копеечку!.. Куда же ты конем ходишь, леший?

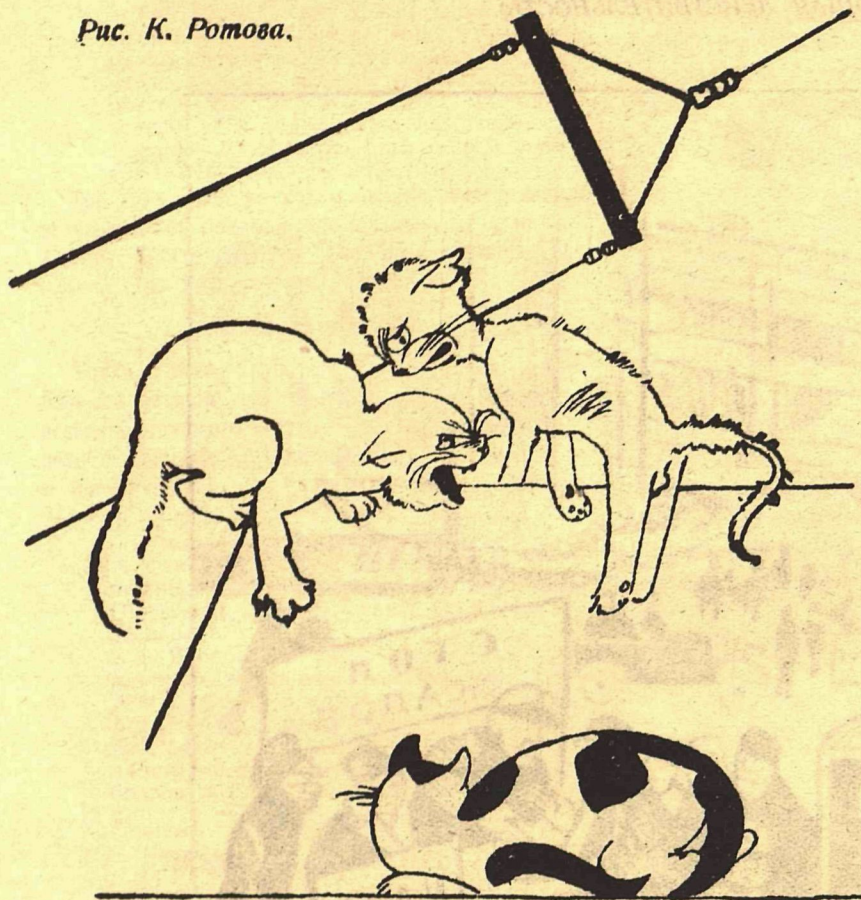
В ТРАМБАЕ: — Не вертите, гражданка! Интересный вариант получается!

Рис. А. Радакова.

В целях экономии времени и сокращения ненужных штатов для удобства потребителей на одной из самых людных площадей был поставлен автомат, снабжающий население предметами насущной необходимости (шоколад и папиросы). Но... дерзкие воры пытались похитить автомат—и пришлось поставить около него постоянную дневную и ночную стражу. Автомат часто ломался. И чтобы не возить его в ремонт (перевозка стоит слишком дорого), решено было открыть специальную походную ремонтную мастерскую. Не все знали, что именно продается автоматом и в какие часы он работает—и вот явилась насущная необходимость в справочном бюро. Для размена бумажных знаков на годное для автомата серебро были открыты специальные кассы. Но так как все открытые при автомате учреждения работали не всегда исправно,—был организован стол жалоб. Теперь все предприятие, наконец, налажено. И специальный статистический отдел при автомате зафиксировал, что автомат ежедневно продает 4 коробки «Явы» и две плитки шоколада!

Рис. К. Ротова.

Радио-кошачий концерт на крыше.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(Во время узаконенного 42-часового отдыха).

Лучше состоять в десяти ненужных списках, чем быть вычеркнутым из одного нужного.

Побывавши в одном из музеев, я не мог не вздохнуть о том, какая огромная жилплощадь пропадает ради культуры.

Прочитавши объявление об общем собрании служащих, некто из моих сослуживцев спросил меня:

— А что мне будет, если я не пойду?

Нехорошо, когда у нового начальства есть много родственников.

Только неразумный разговаривает с фининспектором, не снявши шубу с бровным воротником.

Если тебя выбирают в правление жилтоварищества, не отказывайся, ибо могут выбрать врага твоего. Лучше потрудиться, чем быть уплотненному.

Важная бумажка в руках робкого и неуверенного человека подобна мощному, но незаряженному револьверу. Она не опасна.

И курьер старается найти кого-нибудь, кому бы он мог приказывать.

Старайся как можно скорее зафиксировать подписью словесные обещания твоего начальства.

Думая об отпуске, подумай прежде о преданном тебе заместителе, дабы не вернуться к разбитому корыту.

При болезненном начальнике легче болеть и подчиненным. Здоровое начальство не любит болезней подчиненных.

Можно и слово «товарищ» произнести так, что оно будет звучать, как «ваше превосходительство».

Говоря о раскрепощении женщин, редкий оратор имеет в виду жену свою.

Что ни говорите, а жена комиссара все-таки комиссарша.

По-моему, слишком клеветают на плиту и примус. Я видел не мало женщин, никогда не готовящих дома и обедающих в ресторане, и ни одна из них нимало не раскрепостилась.

Беспартийный САВЕЛИЙ ОКТЯБРЕВ.

Доставил Вас. Лебедев-Кумач

Кирилл Григорьевич Груздев, сжимая под мышкой портфельчик, весело шагал со службы рядом с председателем месткома и секретарем ячейки Крутиковым.

Груздеву было приятно, что вот он идет рядом с таким важным и нужным человеком и разговаривает с ним совсем задросто, по-товарищески.

В лужах плясало солнце, пахло весной и Груздеву очень хотелось сказать Крутикову что-нибудь лестное и приятное, показать, что он интересуется Крутиковской работой, понимает и ценит ее, что он, младший дежирепроизводитель Груздев, имеет общественные интересы и близко принимает к сердцу дела месткома и ячейки.

— Левый у нас все-таки народ, товарищ Крутиков...

— А что?

— Да как же! Вот вчера с общего собрания ведь больше половины ушло. Чудаки, ей-богу. Своей же пользы не понимают.

— Да уж...

— Или взять, например, в четверг... На лекции в клубе полтора человека было. Прямо позор!

— А о чем лекция была?

— Об антирелигиозных предрассудках... и вообще о религии... Самый жгучий сейчас вопрос... и такое халатное отношение!

— А вы интересуетесь этими вопросами?

— Как же! Весьма-с! Я до самого конца досидел. И даже с лектором отдельно беседовал в прихожей.

— Ну и что же, понравилась вам лекция?

Груздев даже захлебнулся:

— Замечательная лекция! То-есть так он все поповские штучки там осветил... Так осветил, так осветил... что дальше и освещать некуда. И про наших попов и про иностранных. Прямо с Египта начал—и как пошел чесать... Озирис, Ормузд, Перун—и прямо до самой живой церкви! И нашим длинноволосым здорово досталось!

— Ну, а публика как? Возражала?

— Какой там! Разве тут возражишь? Так... вопросы, конечно, задавали. Ну, не все. А некоторые даже индифферентно спали и даже ушли посреди лекции... Я пять вопросов задал.

— Ну и что же, убедил вас лектор?

— Меня? Меня и убеждать не надо было! Я с детства этих попов ненавижу. Терпеть их прямо не могу. Тыфу!

Крутиков устало улыбнулся:

— Откуда же у вас такая к ним ненависть?

— А уж не знаю. В крови, должно быть. С самого сызмалетства ненавижу их жеребичью породу. Вы знаете, товарищ Крутиков, я когда мальчишкой был—так на церковном дворе жить пришлось. И что я только с этими попами проделывал—прямо и рассказать невозможно. Один раз, например...

Тут Груздев вдруг остановился и умог. В глазах его мелькнула сначала растерянность, потом ужас. Крутиков изумленно посмотрел на своего спутника, потом оглянулся вокруг, нища глазами причину, повергнувшую Груздева в столбняк.

Навстречу обоим собеседникам, с широкой и веселой улыбкой, пробиваясь сквозь гущу людей, шепнул сытый румяный попик. Поравнявшись с Груздевым, он весело схватил его за руку и приветливо кивнул Крутикову.

— Кирилл Григорьевич! Дорогой! А я-то вас нищу сегодня целый день,—заговорил попик, махая длинным рукавом.—И на службу к вам звонил и на квартиру забегал. Да что с вами?

Груздев резко выдернул руку из мягкой поповской ладони и попробовал пройти вперед, мрачно наморщив брови:

— Идемте, товарищ Крутиков! Это какой-то нахал...—Но попик крепко ухватил его за рукав:

— Кирюша! Голубчик! Да что с тобой? В чем дело?

Вокруг начал собираться народ.

Крутиков в недоумении пожал плечами и, не прощаясь с Груздевым, быстро пошел своей дорогой.

Груздев кинулся было ему вслед, но попик вновь удержал его:

— Кирилл Григорьевич! В чем дело? Постойте! Объяснитесь!

Груздев весь покраснел и отчаянно махнул рукой:

— А в том дело, чорт вас подери, что я теперь пропащий человек! Зарезали вы меня! Жизнь вы мою загубили!

И вдруг подсунув кулак к самому носу попика, Груздев истерически взвизгнул:

— У-у... чорт волосатый! Жеребичье отродье! Онуум! Пусти меня! Слышишь!

Попик выпустил рукав Груздева, поморгал глазами и вдруг в свою очередь весь побагровел от гнева:

— А-а-а... Ты вот как! Вот ты кто! Ты тоже из ихней породы? Ну, слава богу, что я тебя узнал. Не вилать тебе теперь моей Верочки, как ушей своих! И... и подарки свои гнусные можешь взять обратно. И кольцо. И чтобы ноги твои у меня не было! Так и знай!

Вас. Лебедев-Кумач

- 1) Один может сидеть на многих стульях (Америка в Европе).
- 2) Двое могут сидеть на одном стуле (Польша и Германия в будущем Совете Лиги Наций).
- 3) Можно сидеть и между двух стульев (меньшевики всех стран).

СОННАЯ БОЛЕЗНЬ.

За 15 дней февраля зарегистрировано 12 случаев сонной болезни.
(Из хроники).

Как, только 12?.. Пардон за поправку,
Серьезней размеры опасного зла:
Здесь спит секретарша, не выдавши справку,
Там дремлют «начканцы», склонясь на «дела».
Тут члены «Коопа» в блаженстве сугубом
Спят каждый отдельно и вместе зараз...
Под треск кино-фильмы спит мирно завклубом
И видит он верх «просвещения»... Дуглас.
Храпит бесхозяйственник возле завода,
Заснул преддомкома, упав на кровать...
И только растратчиков бодрых породе,
Пристроясь у касс, не желает «дремать».

М. А.

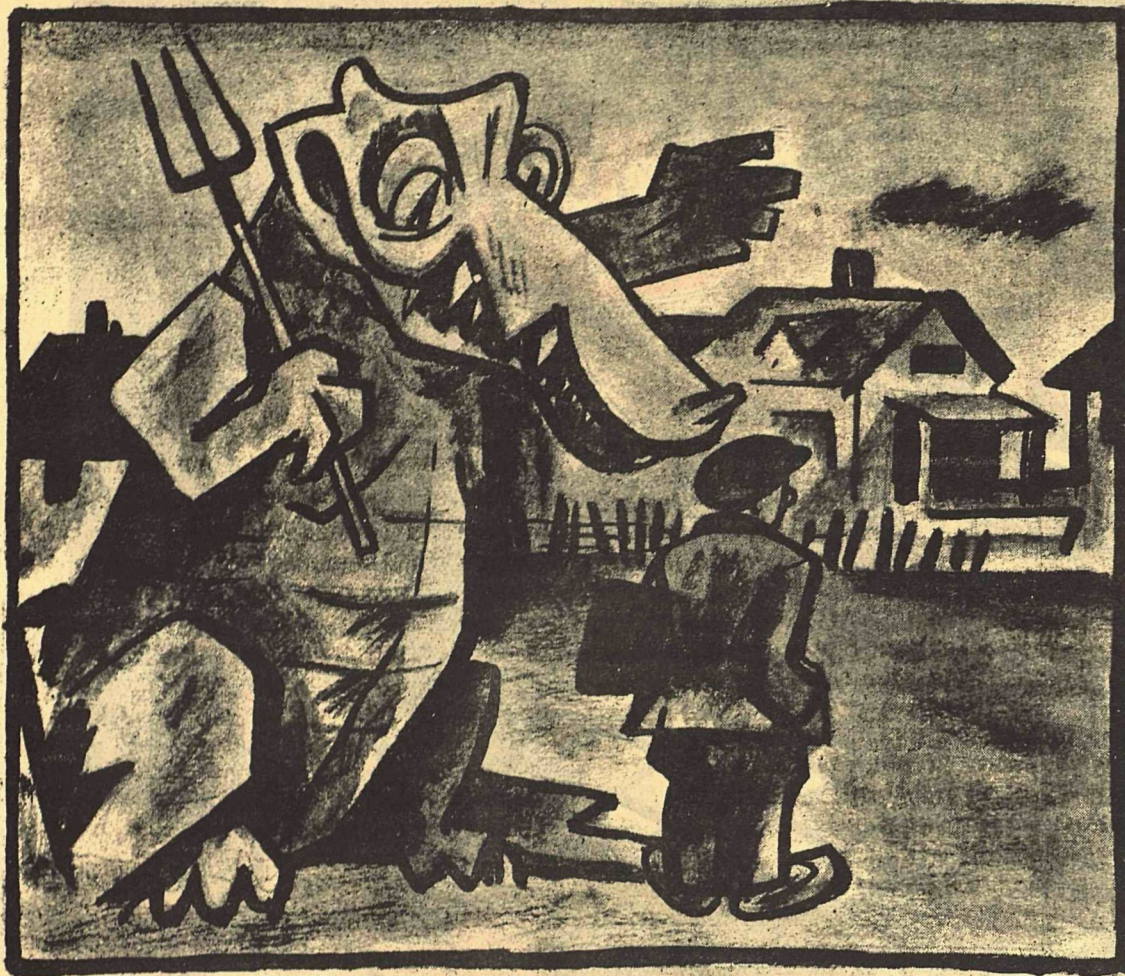
ДЕТИ В КИНО.

Разрабатывается проект о воспрещении детям посещать кино. (Из газет).

Кино... Огни... Толпа... Планаты...
Торговля... Ругань... Флирт и крик...
Кто лезет с платой, кто без платы
Смотреть последний „беввик“.
Экран... Налет... Погоня... Трюки...
„Любовь“... Притон... Фокстрот... Вино...

Скорей дождаться бы разлуки
Детей и этого кино...

М. А.

КРОКОДИЛ: — Вот, говорят, трудно заниматься жилстроительством. А вот предместкома, который получает жалование по 12 разряду, ухитрился хорошенький собственный домик построить.

ТА Л А Н Т.

Зовут его Жорж. Ни фамилии, ни отчества его никто не знает. Жорж и Жорж: невысокого роста, мочаловолосый, без двух передних зубов, чорт его знает, откуда он свалился в этот грязный степной городок. Но вот уже третий год легко и беззаботно живет в двойном номере гостиницы «Европа» Коммунального отдела, насвистывая «Кирпичики». Вязаный синий жилет, огромный черный галстук, желтые краги и клетчатое кепи — это надолго запомнят жители городка.

— Вон Жорж пошел.

— Жорж с женой брандмейстера верхами поехали.

Жоржа жители городка боятся, а потому и уважают. Милиционер на посту с ним вежливо раскланивается. Извозчики с козел — «мое вам нижайшее». Частный мануфактурщик Латкес, завидя Жоржа еще издали, из своего магазина бежит с раскрытым портсигаром.

— Пожалуйста, товарищ Жорж, папирочку (между прочим, сам Латкес некурящий). А Жорж, запрокинув голову, медленно шагает, с презрением разглядывая всех и все сквозь маленькие глазки — мутные капли и роняет небрежно: «Глюшь, захолюстье»...

Специальность Жоржа — любительские спектакли и концерты. Это у него в номере еженедельно собираются жены ответственных работников и разучивают роли. Жорж лежит на бархатном диване, кривит губы и командует:

— Товарищ преуисполкомша, больше экспансивности. Больше, больше!

— Товарищ завфинотдельша, ревите настоящими слезами. Слезы мне, слезы! И жены беспрекословно его слушаются. Его обожают. Лучшая награда для них — его похвала. А когда он говорит: «Плохо, очень плохо», это — на неделю испорченное настроение.

Сезон любительских спектаклей и концертов начинается с пасхи в пожарном сарае. Билеты распределяют сами артистки через своих мужей по учреждениям. И в вечер спектакля в первых рядах можно видеть, начиная от преуисполкома до зав. бойни включительно. Жорж обыкновенно играет первого любовника или декламирует «Сумасшедший» Апухтина, но он же суфлер, он же режиссер.

— Подойди ко мне вплотную и скажи, задыхаясь. «люблю», — хрипит он и сам в то же время: — «Уйди, белогвардейка, уйди. Ненавижу. Не искушай, змея антантовская»...

Пятьдесят процентов сбора идут на улучшение пожарного обоза. Остальное — организационные расходы. Зимой Жорж отдыхает, готовится к летнему сезону. Зимой Жорж — первое лицо на свадьбах, юбилеях, похоронах и годовщинах. Зимой же к нему ходят на поклон жители города.

— Товарищ Жорж, в этом году мой сын кончает восьмилетку. Устройте командировку на медфак.

— На медфак вакансии уже роздал, можно на правовое.

— Ну, что ж. Пусть на правовое...

— Товарищ Жорж, хочу поступить на службу.

— На какой разряд?

— Не меньше 11-го...

Беседы краткие и шопотом. Жителям заранее известна такса — за устройство на службу — начиная с 50 рублей и выше, смотря по разряду. За командировку в ВУЗ — не меньше полтора года.

А затем Жорж, встречаясь с женой того или иного ответственного работника, говорит, вздыхая, грустно: «Понимаете, такой талант, такой талант пропадает, если мы ему не поможем устроиться, то я за себя не ручаюсь. Долго-ли в этой глюши пропасть таким способностям, которые так нужны нашей Республике!»

За номер в гостинице не платит, — записка от завкоммунотдела. В пивной у него неограниченный кредит.

Ответственные работники не любят Жоржа, но терпят. «И что в нем нашли они хорошего?» — часто спрашивают они себя, имея в виду своих жен. Жорж знает об этом и презирает их не меньше. «Чинуши, — говорит он про них: — глюшь, захолюстье»...

И вот однажды в поздний час, когда после какого-то заседания возвращались домой зав УФО, преуисполкома, зав Собесом и брандмейстер, они как-то разговорились по душам. Прорвало. Первый заговорил преуисполкома; увидав темные окна своей квартиры, он прошипел:

— Опять жена у этого Жоржа репетирует. Чорт бы его драл с его спектаклями.

— Ух, этот каналья вот где у меня сидит, — поддержал зав УФО.

— Житья от него нет.

— Выжить его надо отсюда. Гнать в шею. И чего мы церемонимся, не понимаю.

— Но как? — спросил вздохнувши брандмейстер: — ведь такой вой поднимут наши жены, что из дому беги...

— Это верно.

— Давайте завтра соберемся как-нибудь и обсудим, — предложил преуисполкома.

И через два дня начался организованный поход ответственных работников против Жоржа. Жены закатывали истерики, ругали их невежами и варварами.

— Единственную, культурную, светлую личность в нашем городе выжить хотят. За что? За что?

Но ответственные работники были непоколебимы. И, возможно, они и не победили бы, если бы самому Жоржу не надоело здесь. Он сказал просто:

— С удовольствием отплыву. Скучно. Что тут хорошего? Глюшь, захолюстье. Но одно условие. За мою деятельность прошу прощальный вечер, а то еще поборемся.

И в пожарном сарае чествовали Жоржа. Зав ОНО произнес речь, называя его «светочем и носителем светлых идей в массы», «необыкновенным талантом и чутким товарищем». Жоржу преподнесли отрез на костюм, манжеты, серебряные часы и почетный адрес. А на следующий день с московским Жорж, насвистывая «Кирпичики», укатил в другой городок. Ответственные работники радостно вздохнули. Жены их плакали.

Б. Левин.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКУШЕНИЯ.

Пивная Моссельпрома на одной из столичных улиц была переполнена. Пиликали скрипки. В чаду сновали служащие. В одном углу два типа в нахлобученных кэпи, с лихо переброшенными за плечи шарфами, вели таинственную беседу. Рекордная батарея пустых бутылок заполняла их столик.

— Что я—вдрызг, Митя, это дело плевое. А ты добейся, почему я вдрызг, Митя? Ты в душу мою загляни! Счастья нет, Митя! Заел он меня, талант мой загубил, житья мне от него нет.

— Тише, Ваня, успокойся. Чорт с ним совсем. Что он тебе? Потерпи, милый. Все терпят. А уж сму когда-нибудь да будет конец.

— Да когда же? Когда?!—Тут Ваня стукнул кулаком так, что бутылки зазвенели колокольным перезвоном. Кое-кто из соседей стал прислушиваться.

— Прошлым летом я его топил? Топил!—рыдал Ваня.—И просто, и с камнем на шее! Убивал я его? Убивал!

— Да успокойся ты.

— Нет! Не могу я, Митя. Я его в три погубил сгибал. Я его...

— Тсс... на нас обращают внимание.

— Пусть обращают! Пусть! Сил моих больше нет. Топил, рубил, душил его и хоть бы что. Каждый день он меня тиранит. Почему, Митя, другим счастье? Почему у других умирают, а у меня нет? Поч-чему? За что?

Вокруг собеседников незаметно образовался почтительный круг. Испуганные официанты, предварительно пошептавшись с заведующим, стали стеной возле кассы. И когда Ваня, поддерживаемый Митей, собирался подняться, у стола приятелей появились два милиционера.

— Ну, рассказывайте,—приступил к допросу старший следователь МУУР'а.—Рекомендую говорить правду. Всю правду. Вам же лучше будет. Кто, когда, где, имена жертв и подробности организации шайки?

Хмель мигом выскочил из головы Вани.

— Ну, что же вы молчите? Отвечайте!

Ваня усиленно заморгал глазами:

— Товарищ следователь. Тут какая-то ошибка. Я художник. Рисую карикатуры в журналах и газетах. В «Дикобразе» рисую, в «Портаче», в «Вечерней Кривде».

— Художник? Да, по тому разнообразию и тонкости, с которой вы мучили ваши жертвы—видно, что вы художник...

— Какие жертвы!.. Я сам жертва! Это я про Чемберлена говорил: его я топил, и рубил, и резал, и душил... в каррикатурах. А ему хоть бы что, все на месте сидит. И редактор, что ни день, то бубнит: «Чемберлен, Чемберлен, Чемберлен». Я скоро с ума от него сойду. А ведь есть-то что-нибудь надо!!

Следователь смущенно отвернулся.

— Можете идти. Я понимаю. Я тоже человек.

Блеф.

ПРО МЕЩАН.

— Должен прямо сказать — борцу за новый быт, при наших мещанских уклонах, по женскому движению работать никак невозможно! А раньше я тоже старался активно действовать. Чуть бывало где доклад или лекция — «Тарасова! Тарасов доклад сделает! Ну, а я что же? Я для борьбы с предрассудками согласен.

В прошлом году читал я в клубе Нарпита доклад для международных работниц — «Любовь и брак».

Сам на себя дивился, до чего хорошо все разъяснил. Потому вижу—помочь надо, кругом одно бабье, сами не разберутся, что есть мещанство.

— «Так и так, — говорю, — довольно с нас, дорогие товарищи, религиозного дурману! Для сознательной работницы брак не что иное, как пережиток проклятого старого режима и порабощение слабой женщины для эксплуатации инстинкта. Победивший класс объявляет вместо бра-

ка свободную половую проблему для совместного воспитания борцов за светлое будущее обоего пола»... «Надо считать, что работница не что иное, как пчела, несущая сладкий мед новой жизни. Долой старый быт и да здравствует любовь трудовых пчел!—как говорит товарищ Колонтай».

Какая-то несознательная крикнула:

— Твой Колонтай, небось, бабой не был, так ему легко мед лизать.

Однако многие очень хлопали и поддерживали... После доклада—разговор,—хвалит, согласны; спорят: по всему клубу—«жжж! жжж! жжж!». Прямо, как пчелы в улье. Смотрю, одна пчелка около вьется; приятная такая пчелка — веселенькая.

— Позвольте, — говорю, — вас, товарищ, проводить.

— Ах, что вы! возражает. — Зачем это?

А сама — хлоп под руку! И пошла.

— Это, — говорит, — совсем лишнее, чтобы провожать.

Насилу уговорил!.. Подошли к дому, где живет она, хочу зайти, насчет нового быта поговорить, а она не пускает.

— Поздно, — замечает, — у меня ребята ночью никогда не бывают, я девушка.

Насилу уговорил!

Подруга тоже с нею в комнате жила, проснулась, села, разговориваем. Блузку я ей при разговоре порвал. Смотрю, моя пчелка веселенькая сердиться стала: — «Что ты, товарищ Тарасов, как не стыдно?!».

— Стыд, — отвечаю, — не что иное, как дурман и мещанство.

А она меня в морду. До того мне обидно стало на такой аргумент.

— Что же, — возражаю ядовито, — ты себя после этого сознательной считаешь?...

Насилу уговорил!

Пожили мы с нею этак по половой проблеме месяца три. Все хорошо... Только раз подруга ее—та, что в комнате жила—объявляет с мещанским видом, будто она от меня беременная. Ах,

ты-ж, думаю, случай какой! Может, врет? Почему одна беременна, а другая нет? С обоими одно и то же было.

Говорю:

— Во внимание к происхождению должны тебе сделать бесплатный аборт.

Успокоить хочу... А она про то, что желает ребенка для светлого будущего. Поверите, аж похолодел я — такая несознательность!

— Дети, — убеждаю, — мещанский предрассудок и наследие паризма.

А она не верит. Насилу уговорил!

Как раз в это время все и случилось. Приезжает ко мне из Коломны одна пролетарка и в руках сверток. А в свертке — пищит...

Оказывается — родила. И от чего, брат ты мой, думаешь, родила? От мотоциклетки? Митька Попов в Коломну на мотоциклетке с коляской ездил и меня с собой взял. «Дай,—думаю,—в коляске прокачусь». Прочел я там доклад насчет проблемы, а потом этой самой пролетарке в березовой роще вопрос разъяснял. Всего три дня и разъяснял-то. А она деньги на ребенка требует.

Ну, что ты скажешь?!..

— Если, — говорит, — родился у тебя ребенок, так должен ты его любить.

Я туда—сюда. «Любовь — чувство элементарное».

— Ну, что же, — отвечает, — понятно алиментарное. На то ты и отец!

А на суде тоже — отец да отец! Что такое — «отец»? Это понятие условное: Варька Савелова на одну девченку с троих отцов получает; чего ж вы на меня одного накинудись?

Однако не послушали — приаляли с меня по три червя в месяц.

Посудите сами — какой же это новый быт, если все международные работницы начнут детей рожать? На всех по трети не напасешься!

Не нравится мне такое мещанство! И так думаю, пока нового закона не будет, по женскому движению не стану работать.

Ю. Спокойный.

Рис Ю. Ганфа,

КОЛЕТ В БОКУ.

ХУЛИГАНЫ: — Э-эх! Неженка! Чуть у него в боку закололо.—уж он и караул кричит! Ин-тел-лигент!

8354

ТОВАРИЩИ - ЧИТАТЕЛИ!

Редакция „Крокодила“, стремясь к улучшению содержания журнала, обращается с просьбой ко всем читателям помочь ей в этом деле. Просим ответить по возможности полно на нижеперечисленные вопросы и прислать ответ по адресу:
Москва, Тверская, 3. — „Крокодилу“.

1. Какой рисунок вам в этом номере больше всего нравится? _____
2. Почему именно? _____
3. Какой рисунок в этом номере больше всего не нравится? _____
4. Почему именно? _____
5. Какого вы мнения об остальных рисунках? _____
6. Укажите, какие надписи к рисункам в этом номере непонятны? _____
7. Какой рассказ, стихотворение, фельетон в этом номере больше всего вам понравился? _____
8. Почему именно? _____
9. Какой рассказ, стихотворение, фельетон вам не нравится? _____
10. Почему именно? _____
11. Нравится ли вам в этом номере „Вилы в бок“? _____
12. Если нет, то укажите недостатки _____
13. Над кем и над чем „Крокодил“ должен смеяться по вашему мнению? _____
14. Какие недостатки вы находите вообще в „Крокодиле“? _____
 а) Содержание рисунков _____
 б) Техники _____
15. Что вам нравится вообще в „Крокодиле“? _____

СВЕДЕНИЯ.

1. Пол (мужчина, женщина) (подчеркните) _____
2. Рабочий, крестьянин, служащий, учащийся (подчеркните) _____
3. Сколько вам лет _____
4. Образование: низшее, среднее, высшее (подчеркните) _____
5. Партийный, беспартийный, комсомолец (подчеркните) _____
6. Губерния _____
7. Сколько времени вы читаете „Крокодил“ _____